

нагайкой за то, что ее муж Мирон служил в Красной Армии, а его фотокарточка в форме висела на стене в хате. Побил полицай женщину так, что она две недели потом пролежала в постели, встать не могла, еле выздоровела.

Еще более прозрачно Костик предсказал судьбу А. А. Мищенко, жившего на улице Горбачевой недалеко от сельсовета. Об этом рассказала его дочь, Анна Антоновна Моиссенко, с улицы Средней.

У Антона Абрамовича до войны уже было четверо детей. Чтобы как-то их прокормить и приодеть, он ежегодно зимой, после окончания сельхозработ, ездил в Москву и закупал там «серпинку», а потом ткань перепродавал в селе или на базаре. В результате дети не только были одеты и обуты, но и селедка бывала нередко на столе, по тем голодным временам это была большая роскошь на столе сельской семьи. Но перепродажа «серпинки» была спекуляцией, за нее могли дать уголовную статью. Так и случилось. Кто-то «настучал» на многодетного отца. Его арестовали. Суд факт многодетности не взял в расчет и припаял в январе 1941 года пять лет заключения. Свое наказание Мищенко отбывал в Льговской тюрьме. Когда началась война, никто не известил семью, куда же отправили кормильца. Первые годы войны никто не знал, где пропал Антон, от него не было весточки. В 1943 году, когда немцев уже выгнали из села, сидела «загорюнившись» Мария, жена Антона Абрамовича, на лавочке возле хаты, на руках у нее младшенькая дочь, другие ребятишки вокруг бегают. По улице в это время проходил Костик. Он подошел к многодетной матери и бодренько проговорил: «Не грусти Мария. Вернется твой Антон. Только не на двух, а на четырех ногах. И будут у тебя еще и Анна, и Вера». Сказал и пошел дальше по делам, известным только ему одному. А через короткое время Антон пришел домой на костылях. Ноги его были ранены несколько раз, одна из них стала короче другой. Воевал он, оказывается, в штрафбате, вместе со своими сокамерниками, писем оттуда не разрешали писать.